

Проф. Е.А. Котенко, д.т.н., Академия горных наук

Профессор Григорий Маркович Еланчик
(к 100-летию со дня рождения)

Георгий Маркович Еланчик (родился 22 марта 1899) – был непревзойденным лектором и педагогом. Его уважали все студенты, с ним всегда было интересно общаться, он был нашим активным воспитателем. Профессор Еланчик был моим деканом, возглавлял горно-электромеханический факультет (ГЭМФ).

Нашим двум группам ГЭМС-1 и ГЭМС-2-48 профессор читал курс «Рудничные подъемные установки». Курс не из легких, насыщен математическими выкладками, особенно теория шахтного уравновешенного подъема по изобретениям самого Еланчика. Но, пожалуй, самым сложным в его курсе был раздел теории о только что выпущенных отечественным заводом в конце сороковых годов новых мощных подъемных бицилиндроконических машинах для глубоких шахт.

Профессор читал нам курс, который содержал разработанную им заново кинематическую теорию шахтного подъема. Григорий Маркович считал себя учеником академика М.М. Федорова, кафедра горной механики МГИ и кабинет горной механики по предложению Еланчика носили имя его учителя. Наш профессор ввел в курс полученные им обобщенные уравнения кинематики подъема и, кроме константы динамического режима акад. М.М. Федорова, второй основной параметр подобия – константу кинематического режима. По методике нашего профессора мы научились легко и просто решать любые задачи кинематики шахтного подъема, определять энергетические показатели, строить тахограммы и выбирать режим управления подъемной машиной. Это мне очень пригодилось в жизни при проектировании шахтных подъемных установок в Средней Азии и Герман-

ской Демократической Республике на урановых рудниках, где пришлось работать после окончания института.

В 1952 году, когда я был студентом 4-го курса МГИ, однажды в вестибюле института увидел объявление, которое меня очень удивило. Студенты, недоуменно переглядываясь, прочли, что наш декан профессор Григорий Маркович Еланчик будет защищать диссертацию на соискание ученой степени доктора технических наук. К защите он представил результаты исследований, давно опубликованные в его книгах. Диссертация называлась: «Теория и принципы уравнивания рудничных подъемных установок». «Как же так, – обсуждали мы – уважаемый профессор до сих пор не доктор наук? Он же двадцать лет, с 1933 года, профессор! Он же создатель научной школы горных механиков, талантливый педагог, воспитавший сотни, если не тысячи учеников, работающих на шахтах и рудниках, в учебных, научно-исследовательских институтах, на заводах горного машиностроения.» Нам никогда и в голову не приходило, что крупнейший специалист, эрудит, до пятидесяти четырех лет не имеет ученой степени доктора. Мы считали это каким-то недоразумением.

Защита происходила в нашем институте. Защищался он, как говорили нам преподаватели, блестяще. Члены ученого совета, как и мы студенты, были поражены, что профессор Еланчик до сих пор не нашел времени для оформления

Шарж проф. С.А.Ильина

своих оригинальных исследований в виде докторской диссертации. Некоторые относили это к высокой требовательности Григория Марковича к результатам выполненных им работ, он, видимо, хотел быть уверенным в широком признании его методов на производстве и на заводах, эксплуатировавших и создававших отечественные рудничные установки. Профессор Лев Вениаминович Гладилин сказал нам прямо: «Да он, по существу, уже давным-давно доктор. Эта защита – событие формальное, никто из членов совета не сомневался, что Еланчик еще до войны, т.е. еще в сороковом – сорок первом году, за свою монографию «Рудничные подъемные установки» мог стать доктором наук. Его работы знает вся горнотехническая общественность,

его методы используются горными инженерами–механиками и конструкторами, вклад его в горные науки неоспорим.

И, естественно, все члены учёного совета единогласно проголосовали «за», ни одного черного шара.»

И я, слушая Льва Вениаминовича, представлял себе, что при голосовании всем членам совета раздадут белые и черные шары, вроде бильярдных из слоновой кости, и голосующие опускают их в большую лузу в виде черного мешка. Если «за»–опускают белые шары, если «против» –черные. Когда сам стал членом специализированного докторского совета, узнал, что никаких шаров нет, есть обычные бумажные бюллетени с двумя словами: «согласен» и «не согласен».

В 1953 году вышла книга Г.М. Еланчика «Уравновешенные системы рудничного подъема», основанная на материалах его докторской диссертации.

До поступления в МГИ я занимался в историко-краеведческом кружке Ейского музея под руководством его директора В.В. Самсонова и поэтому знал, что запорожские казаки в сороковые годы XVIII века жаловались императрице Елизавете на донских казаков, что те отгоняют их от рыболовных мест на малых степных реках северного побережья Азовского моря. А донцы, в свою очередь, жаловались на запорожцев и просили, чтоб запорожцам был запрещен въезд в не принадлежащие им места: на речки Кальмиус, Калчики, Еланчики и особенно в Миус и Темерник, а также на косы Азовского моря. Сенат поддержал донцов, запретил запорожцам ловить рыбу в речке Еланчике и в других малых реках.

Я со школьной парты знал: в наших краях есть такая степная речушка – Еланчик. И немало был удивлен, когда в институте встретил профессора, носящего такую фамилию.

Из словаря Даля я узнал, что может быть еще одно объяснение происхождения фамилии профессора. Слово «елань» в русском

языке означает обширную прогалину, луговую или полевую равнину (такое понятие Даль отмечал в московской, рязанской и тамбовской губерниях), возвышенная, голая и открытая равнина; лысина, плешина (в сибирских губерниях).

И совсем близко к «Еланчику» у В. Даля слово «еланщик»– «крестьянин, у которого пашня в лесу, на елани, куда и он иногда самовольно выселяется».

Есть село Еланец в Николаевской области на Украине, село Еланцы в Иркутской области, два села с одинаковым названием Елань (в Свердловской и Волгоградской областях России). Есть еще и поселок Елань-Коленовский в Воронежской области.

Вот и попробуй определить происхождение фамилии нашего профессора. Откуда «она есть пошла»? То ли от тихой степной речушки, то ли от крестьянина, у которого пашня в лесу, то ли от обширной прогалины, голой и открытой равнины, то ли от лысины, плешины. А спросить самого Григория Марковича об этом я, конечно, в то время не смел.

Кстати о лысине. Еланчик рано утратил волосы на макушке, но никто никогда не видел его лысины. Он мастерски делал себе прическу, которую мы, студенты, называли «внутренний заём». Он на левом виске отрастил длинные волосы и зачесывал их снизу вверх, прикрывая «обширную прогалину». Прическа всегда была изящной. Не исключено, что причёсывал его по утрам приходивший к нему парикмахер. Когда я был у профессора в гостях, он мне сам сказал, что к нему каждое утро приходит его персональный опытный парикмахер, который бреет его и ухаживает за кожей лица. Видимо, и «внутренний заём» на голове выполнял он же.

Надо сказать, что Григорий Маркович одевался элегантно, носил модные костюмы, белоснежные рубашки, красивые галстуки или галстук-бабочку с золотой заколкой. Всегда опрятный, аккуратный, энергичный и внимательный он был для студентов, да и для преподавателей, образцом.

Мы считали – таким и должен быть профессор столичного вуза. И, как могли, старались подражать ему.

Григорий Маркович был маленького роста.

Недавно на книжных развалах Москвы появилась книга кинорежиссера Андрея Михалкова–Кончаловского «Низкие истины». Как ни странно, но она невольно напомнила мне о профессоре Еланчике. Кончаловский, ставший «своим» в американской киноиндустрии, был поражен тем, что многие из людей, обладающих в Голливуде реальной властью, маленького роста: «Не замечали ли вы, что мужчины, обладающие исключительной, не по наследству полученной властью, как правило, невысокого роста. Не карлики, конечно, но ниже среднего. Наполеон, Сталин, Ленин... Эта мысль вновь пришла ко мне после знакомства со многими влиятельнейшими людьми Голливуда».

Видимо, природная антропометрическая несправедливость с детских лет воспитывает в миниатюрных мальчиках волю к победе, напор, решительность, подготавливает «к борьбе за выживание», к упорству в достижении видного места в обществе на крутых каменистых тропах жизни. В детстве и юности, как известно, они страдают от своей малорослости, получают обидные клички, терпят унижения, но приобретают стойкую выживаемость и «наполеоновскую» настойчивость, свойственные многим маленьким людям, переживающим каждый по-своему «наполеоновский комплекс» низкого роста. Люди маленького роста никогда не довольствуются малым, карабкаясь все выше и выше.

Наш декан Еланчик не был ни высоким, как, например, профессор Иван Михайлович Воронков, ни статным, как, например, полковник Александр Анатольевич Вульферт. А потому-то единственный из всех профессоров и преподавателей Горного, чтобы стать хоть чуточку выше ростом, заказывал себе туфли почти на дамских высоких каблуках, таких высоких, каких мы, студенты после-

военных годов, даже у дам-модниц, не выдвали. Он ходил почти на цыпочках, мелкими, семенящими шажками. Маленький, стройненький, опрятный, подтянутый и внимательный он не мог не вызвать ответную симпатию.

Еще одной отличительной особенностью Григория Марковича было то, что он носил пенсне, единственный из профессоров МГИ. Стеклышки были без оправы, а зажим для пенсне на носу – золотой.

При чтении лекций профессор разряжал обстановку, делясь с нами впечатлениями о премьерах в театрах, где он бывал непременно. Помню как он, посмотрев какую-то пьесу о войне, говорил нам возмущённо:

– Вы представляете, что устроил драматург! Для того, чтобы подчеркнуть трагизм бомбежки жилых кварталов фашистами, он придумал такую сцену: во время «воздушной тревоги», когда с ревом летят бомбы и рушатся дома, зритель видит, что отвалилась стена жилого здания, в комнате на авансцене стоит чудом уцелевший рояль. За роялем сидит герой пьесы и играет один из этюдов Рахманинова. Драматург, видимо, хотел удивить зрителя, показав бесстрашие героя, его преданность музыке. Но, простите, какому идиоту взбредет в голову сидеть под бомбёжкой в квартире и, тем более, играть на рояле? Чушь! Ерунда! Явная неправда! Это могло быть только в одном случае: если бы герой сошел с ума, но ему еще предстояло действовать в полном здравии по ходу пьесы целых три акта! Во время бомбежки надо сидеть в бомбоубежище! Еланчик мелкими шажками прохаживался перед доской, поблёскивал стеклышками пенсне, возбужденно критикуя неумелого драматурга. Несколько успокоившись, продолжал выводить мелом на доске сложные математические формулы.

Меня, студента-старшекурсника, неожиданное приглашение профессора удивило, обрадовало и озадачило. Все эти чувства роились в моей воспаленной голове. Я

не мог объяснить, почему именно меня пригласил Еланчик к себе домой. Он назначил дату и час встречи, дал мне адрес. Я терялся в догадках –зачем я ему понадобился? Если бы его интересовали мои робкие попытки исследований в студенческом научно-техническом обществе, то он мог бы обсудить это в институте, на кафедре или в деканате. Может быть профессору понравились мои поэтические выступления в «капустниках» (а Григорий Маркович, как и вся профессура, не пропускал ни одного выступления студенческой художественной самодеятельности в набитом до отказа студзале, всегда сидел в первом ряду, в середине, хохотал до слез, снимал золотое пенсне, утирал слезы шелковым платочком). Если ему понадобились мои «юморини», наподобие понравившегося ему и несколько повторённого при чтении лекций двустихия из моей песенки: «Солнце в небе Москвы возвещало обед, в институт приходил молодой Меламед», что вносило веселую разрядку среди студентов, утомленных переписыванием в конспекты сложных формул, если ему зачем-то нужны тексты моих стихотворных сочинений, так я охотно перестукал бы их специально для профессора на машинке, мне было бы лестно сделать это.

Если профессору была чем-то любопытна моя личность провинциала-кубанца, приехавшего из Ейска, с Азовского моря, с золотой медалью, поступившего в Горный без экзаменов и на всех курсах имевшего почти по всем предметам «отлично», то и об этом можно было бы, как мне казалось, поговорить в институте.

Чем я ему интересен? Зачем он меня, студягу, в гости позвал? О чём я с ним говорить буду?

Правда, в Горном, училась курсом младше дочь профессора – Жанна, очень миловидная, миниатюрная, как и её отец, изящная, общительная, веселая и обаятельная, умница, непременно участница наших «капустников», собиравшая и хранившая их самодельные сценарии. «Ахматовский профиль» лица придавал ей осо-

бый шарм и привлекательность. Мы с ней питали взаимную симпатию, но держались на уважительном расстоянии. Я и мысли не допускал, что профессор пригласил меня к себе домой, чтобы попытаться сократить расстояние между мной и его милой дочерью – студенткой. Я полагал, что если бы у нас с Жанной было такое желание, мы бы это сделали легко и сами, без его попыток помочь нам.

В назначенный день и час я был на улице Алексея Толстого. Мой мундир был тщательно отутюжен и сиял золотыми пуговками и эполетами, которые я начистил асидолом. Туфли сияли, как лаковые. Григорий Маркович встретил меня и пригласил в свой просторный кабинет. Ни жены, ни дочери дома не было. Я впервые в жизни оказался в творческой лаборатории уважаемого всеми профессора, заслуженного деятеля науки и техники. Здесь он создавал свои фундаментальные труды, которые штудируют студенты многих поколений.

Большая квадратная светлая комната с высоким потолком. Два красивых книжных шкафа с полками, заставленными книгами.

– Это моя техническая библиотека, – сказал Еланчик, перехватив мой взгляд. – Здесь книги, необходимые для научной работы и преподавания. Особенность библиотеки – в ней все книги, подаренные мне коллегами-учёными и преподавателями.

Григорий Маркович распахнул двери одного шкафа:

– Вот посмотрите какие дарственные надписи оставили мне академики Александр Митрофанович Терпигорев, Александр Александрович Скочинский, Лев Дмитриевич Шевяков, член-корреспондент Александр Онисимович Спиваковский и Александр Семенович Ильичев. А вот книга моего учителя, украинского академика Михаила Михайловича Федорова.

– А вы знаете, Григорий Маркович, что академик Федоров мой земляк-кубанец?

– Не знаю и удивлен.... Расскажите...

– Михаил Михайлович родился в Екатеринодаре, теперь Краснодар, где служил его отец-казак станицы Должанской, что в сорока километрах от моего родного города Ейска. Ейск стоит у основания Ейской косы Азовского моря, а станица Должанская – у косы Долгой. Федоров обучался в Екатеринодарском реальном училище на «казённый кошт» – платил за обучение Кубанский военный округ.

– Откуда вы это знаете? Я учился у Федорова и работал с ним в Днепропетровском горном, но ничего этого не знаю...

– Я в школе увлекся историей родного города, родной Кубани, изучал кубанскую старину, ходил в этнографические экспедиции, участвовал в раскопках стоянок первобытного человека над рекой Ясени, древних ногайских погребений над обрывом Таганрогского залива.

– Позвольте, позвольте, но я ведь большой любитель истории.

– Вы? Профессор горной механики?

– Да-да, и не только я, профессор Николай Михайлович Покровский, который читает вам курс «Проведение горных выработок», настоящий историк. Он даже подготовил большую работу и намерен представить ее ученым советом Историко-архивного института на соискание учёной степени доктора исторических наук.

– Удивительно! Так вам, наверно, будет интересно во время летнего отпуска приехать в Ейск, побывать в нашем музее, посетить казачьи станицы, старинное суворовское укрепление, порыбачить на лодке в море, позагорать на песчаных пляжах...

– А что за город ваш Ейск? Есть ли у вас дома с колоннами? Или это старый саманный казачий городок?

– Нашему городу едва перевалило за сто лет. Город не казачий, основали его в 1848 году иногородние купцы и ремесленники. Он в основном состоит из одноэтажных, реже двухэтажных (полуторных) кирпичных домов, но в центре города есть Дом Красной Армии (дом богатого купца Малины)

с широким балконом, опоясывающим все здание, на стройных чугунных колоннах. Есть серо- и грязелечебница, которые построил мой дед-каменщик, Андрей Николаевич. Это два санаторных здания с белыми колоннами. Но какие у нас пляжи! Вы сможете хорошо отдохнуть!

Мы стояли друг против друга, он держал в руке раскрытую книгу Федорова, смотрел внимательно на меня, поблескивал стеклышками пенсне, сказал, чуть помедлив:

– А вы знаете, я не люблю валяться на пляжах, не люблю загорать. Мой самый лучший отдых – посещение исторических мест, русской старины, музеев, картинных галерей, чтение мемуаров и книг по истории...

Я люблю в отпуск уехать, например, в Ленинград. Недавно я там был и мне посчастливилось посетить таинственный Михайловский (Инженерный) замок.туда посетителей не пускают, только по специальному разрешению мне выписали пропуск и провели в спальню, где был убит император Павел I. Когда Павел услышал шаги гвардейцев, вскочил с постели и спрятался за каминную ширму. Один гвардеец опрокинул её и ударил императора по виску своей табакеркой. Удар был такой силы, что табакерка согнулась. Заговорщик Скарятин накинул на шею Павла свой шарф и удушил его. На меня это посещение произвело огромное незабываемое впечатление, ведь убийство Павла стало поворотным моментом в истории России...

Григорий Маркович подошел к книжному шкафу, поставил книгу на полку, закрыл дверку и продолжал увлеченно:

– Как пишут историки, Павел I – Гроссмейстер Мальтийского ордена – был человеком капризным, деспотичным, непоследовательным. Его решения и привязанности часто бывали переменчивыми. Он легко впадал в приступы необузданного гнева, но с такой же лёгкостью менял гнев на милость. В этом маленьком человеке, примерно моего небольшого роста,

жестокость уживалась с сентиментальностью.

Историки утверждают, что его взрывную энергию целиком поглощали две страсти: вино и муштра. Екатерина Великая не любила своего малорослого курносого сына, относилась к нему с неприязнью, не хотела отдавать престол, намереваясь завещать управление империей старшему внуку Александру. Но после смерти императрицы Павел I стал императором, царствовал всего четыре года, преследуемый двумя маниями: величия и страха. Он мечтал превратить Россию в казарму. За четыре года тираническое правление Павла вызвало острое недовольство и враждебность всех кругов дворянства и даже членов собственной семьи. Против него возник заговор, во главе которого стоял дипломат вице-канцлер граф Никита Петрович Панин. Павел заподозрил его и уpek в ссылку. Заговорщиков возглавил петербургский военный губернатор Пален. Они проникли в Михайловский замок в ночь на 12 марта 1801 года и убили императора.

Французская литературная знаменитость госпожа де-Сталь «пошутила» по поводу смерти Павла: «Правление в России есть самовластие, ограниченное удавкой».

Россией стал править Александр I, окруженный убийцами своего отца. И потому при своей жизни он не устраивал суда над молодыми участниками заговора. Он услышал бы слишком жестокие истины. Царевубийца Скарятин, удавивший Павла своим шарфом, свободно вращался в высшем свете и при Александре I, и при Николае I, и никто его не преследовал. Удивительными были нравы императорской России! Это очень возбуждало нашего великого поэта Александра Сергеевича Пушкина. Если вы посмотрите его дневниковые записи, найдете несколько упоминаний фамилии царевубийцы, с которым поэту доводилось встречаться на раутах...

– Нет, Григорий Маркович, в моем родном городе убийств коронованных особ не было. Открывал портовый город Ейск в сен-

тябре 1848, наместник Кавказа блистательный князь Михаил Семенович Воронцов, за женой которого, Елизаветой Ксаверьевной ухаживал Пушкин и написал знаменитую эпиграмму на князя:

«Полугерой, полунежежда...».

Я мог бы показать вам только одного уцелевшего немого свидетеля открытия портового города Ейска – дуб, по преданию, посаженный лично Воронцовым, да и то местные краеведы спорят, тот ли это дуб ...

Еще только войдя в кабинет профессора, я увидел в углу, за огромным резного дерева столом, стоящим наискосок, на высокой подставке большой бронзовый бюст Наполеона Бонапарта. Я несколько раз оборачивался, разглядывал бюст. И теперь, после нашего разговора на исторические темы, я, подогреваемый нескрываемым любопытством, набрался храбрости, спросил:

– Григорий Маркович, почему вы храните у себя бюст этого французского завоевателя? Он же много бед принёс нашему отечеству. Он вверг Россию в кровопролитную войну, взял Москву в тысяча восемьсот двенадцатом году...

Профессор ответил не задумываясь:

– Я преклоняюсь перед его гением полководца.

– Я думаю, хранить у себя в кабинете статуя этого злого гения войны, когда мы ввели жесточайшую Великую Отечественную войну с гитлеровскими оккупантами, было, наверное, не безопасно.

– Это принадлежит истории, – ответил Еланчик. – Из песни слова не выкинешь. Наполеон – гений. Это – мой кумир. При таком же малом росте, какой имею и я, но потряс не одну Европу. Трепетал Египет! Я говорю о творческой потенции и возможностях одного маленького Человека на нашей планете... Кстати, и Владимир Ильич Ленин был чуточку выше меня... Встреча закончилась чаепитием.

Однажды Григорий Маркович собрал нас – студентов-старшекурсников в кабинет горной механики им. акад. М.М. Федорова. Разговор шёл о роли горного ин-

женера в современном обществе. Это было время великих сталинских строек коммунизма: грандиозных гидроэлектростанций на Волге, Волго-Донского судоходного канала, небывалых лесозащитных полос. Это было время, когда в Москву пришел Саратовский газ, на кухнях москвичей появились пузатые счетчики газа. Я в восторге даже сочинил четверостишие:

Чистота и порядок на кухне у нас,

Над горелками ходишь

начальником,

Голубыми губами саратовский газ

Лижет донья кастрюлям и

чайникам.

Григорий Маркович был явно взволнован, говорил о том, что завидует нам, молодым. «Вам предстоит интереснейшая жизнь! – говорил профессор. – Я смотрю – вы успеваете по всем предметам, значит, обладаете природным творческим потенциалом, можете работать в любой отрасли промышленности, не только на угольных шахтах. Вообще говоря, специальность горного инженера – специальность универсальная. Из нашего института, я просто удивляюсь, вышел горняк-изобретатель подводной лодки, наш выпускник изобрёл стереокино (вы, вероятно, не раз бывали в этом кинотеатре в самом центре Москвы, рядом с гостиницей «Москва», смотрели первый наш стереофильм «Машина 22-12», где играют Жаров и Целиковская), сын нашего профессора Дыховичного – горный инженер, наученный в нашем Горном институте добывать полезные ископаемые, стал в наши дни известным поэтом-юмористом и сатириком, недавно выпустил книжку стихов «Бесполезные ископаемые». Да вы его знаете, он не раз выступал в нашем студзале вместе со Слободским.

Вот когда я учился в институте, у меня отличная оценка была только по горной механике – моему любимому предмету и по математике, так как вся теория механики основана на ней. Без математики нет механики. А у вас, я смотрю, по всем предметам «от-

лично» и «хорошо», редко у кого троечка промелькнёт.

Ваше поколение очень способное, всесторонне развитое, хорошо подкованное знаниями. Слабые и случайные отсеялись ещё на первом-втором курсах. Я завидую вам – строителям новой интересной, освещённой светом разума, жизни».

Не знаю, как в других высших учебных заведениях страны Советов, а в моем родном Горном институте про всякого профессора, про всякого преподавателя, каков бы он ни был, студенты обязательно сочиняли анекдоты, побасенки. Студенты любят шутку, студенты – большие мастера выдумывать и присочинять разного рода и различных жанров коротенькие истории. И замечено: чем ярче, своеобразнее и талантливее профессор, тем пристальнее всматривается в него студент и тем обильнее рождаются анекдоты.

Так и про нашего любимого декана и заведующего кафедрой горной механики, профессора Еланчика, когда мы учились (1948–1953 годы), рассказывали шуточные и печальные побасенки. Их помнят до сих пор.

Вот совсем недавно на дружеской пирушке собрались выпускники разных лет. Вспоминали своих учителей и, конечно, смешные и забавные истории.

Один выпускник, теперь уже доцент МГГУ, утверждал, что слышал сам как профессор Николай Михайлович Покровский говорил на лекции: «Рудничный подъем вам читает профессор Еланчик. Вы знаете, что запас прочности каната, на котором подвешивается шахтная клетка для спуска-подъема людей, по условиям безопасности принимается равным девяти. Всем вам придется работать на рудниках и шахтах, вы будете спускаться и подниматься в клетках, и не бояться за свою жизнь, не страшиться, что вот вдруг канат может лопнуть и погибнет ваша молодая жизнь. А Григорий Маркович заявляет: «Я знаю, что канат имеет девятикратную прочность, но сам на нем ни за что никогда в шахту не спущусь»...

И несколько участников нашей компании подтвердили, что действительно лично слышали эту байку из уст профессора Покровского. И крепко засела она в памяти.

И вспомнилась еще одна история про нашего уважаемого декана. Повез однажды профессор Еланчик студентов на производственную практику в Донецк, тогда этот шахтерский город назывался Сталино-Донбасс. Было это в далекие тридцатые годы. Поехал Григорий Маркович на шахту №17-17-бис. Ехал трамваем № 4 (в Донецке, говорят – «четвертая марка»). Трамвай тянется еле-еле. Ехать далеко, через балку. Народу набилось видимо-невидимо. На подножках и буферах вагона висят опаздывающие на работу. Нашего профессора затискали, зажали в толпе, он вытянулся во весь свой миниатюрный рост, ухватился за ляжку, рукав опустил, и пассажиры увидели его прекрасные массивные золотые часы на широком золотом браслете. Но не долго любовалась шахтерская публика этим великолепием на холеной руке профессора. Стоило ему на какое-то мгновение опустить усталую руку, как часы исчезли. Еланчик увидел: двое кряжистых парней, стоявших рядом, энергично и грубо работая локтями, протиснулись сквозь толпу и спрыгнули на ходу. Кинулся за ними и наш профессор. Трамвай, выбираясь из балки, преодолевал крутой подъем, еле тащился. Григорий Маркович спрыгнул на ходу, закричал, преследуя парней:

– Товарищи, послушайте, верните мои часы! Это фамильная драгоценность... они мне дороги как память... Верните, я вам хорошо заплачу...

Да где там, парни бежали быстро и вскоре скрылись за какими-то полуразрушенными хибарами старого шахтерского поселка, так называемого «шанхая».

Пойди теперь, проверь – было ли так на самом деле, или это студенческий фольклор, анекдот, незлобиво потешающийся над простодушием профессора.

Некоторые сказители-студенты еще добавляли: «Когда на заседа-

нии Ученого совета кто-то однажды упрекнул Еланчика, что он-де на шахте давненько не был, Он тут же возразил возмущенно:

– Как не был! Позвольте, как это не был! А у кого золотые часы украли?»

Еще одну историю рассказывали в наших группах электромехаников (ГЭМС-1 и ГЭМС-2-48)

Как-то был Еланчик в Донбассе зимой. Возвращался один пешком с шахты в гостиницу поздним вечером. Вьюга, темень, мороз. Григорий Маркович запахнулся в теплую шубу на лисьем меху, надвинул на лоб мохнатую шапку, поминутно поправлял пенсне, которое ветер норовил сбросить.

И надо было ему перейти какой-то мостик через глубокую канаву. Только подошел к мостику, как вдруг откуда ни возьмись навстречу из снежной замяти вынырнул малец лет десяти-одиннадцати. Одет кое-как, в дырявом обтрепанном пальтишке. Подбегает к Еланчику, хватая за полу шубы и начинает жалобно скулить:

– Дяденька, я замерз, отдай шубёнку погреться!

– Что ты, что ты, мальчик, я могу распахнуть полы моей шубы и согреть тебя...

А тот заскулил ещё жалобнее:

– Отдай шубёнку, дяденька, отда-а-а-й!

– Да что ты, мальчик, как же я тебе отдам, мне же еще далеко идти, я ведь без шубы сам могу замёрзнуть, ты беги скорей домой, к мамке беги...

Но шкет не отвязывается. И тут из-под мостика вылезает огромный медведебразный лохматый мужик, хватая профессора за шиворот и гремит пропитым басом:

– Ну что ты пацана мучаешь! Скидай шубу, тебе говорят, а не то я покажу тебе как детей обижать!

И прибежал Григорий Маркович в гостиницу в пиджачке и пенсне, хорошо еще, что шапку милостиво оставили. Звонил в милицию, но мужика-медведя со шкетом и след простыл.

Некоторые студенты-старшекурсники говорили нам о том, что Еланчик никогда не работал на

шахте, но скрывает это, чтобы никто не мог упрекнуть его в том, что он не знает производства. Среди студентов ходила такая байка, что будто бы один из директоров института настаивал, чтобы Григорий Маркович выполнил со студентами на производственной практике какие-то исследования в подземных условиях. Профессор категорически отказался и будто бы заявил на Ученом совете:

– Эта работа не по моему профилю. Если вы станете настаивать, я уйду из института. Под землей я работать не стану, лучше пойду в любой московский ресторан и буду играть на скрипке...

О том, что профессор музицирует, студенты знали. Рассказывали, что он был участником пятничных чаепитий на квартире профессора математики Михаила Кузьмича Гребенчи. Нам говорили, что профессор Гребенча – талантливый математик, его очень ценил знаменитый Киселев – глава московской школы математики, по учебникам которого мы изучали интегральное и дифференциальное исчисления. Говорили, что Гребенча – цыган, мальчишкой отставший от своего табора и застрявший в Москве. Тут он проявил невероятные природные способности, всех поражал молниеносной скоростью постижения всех премудростей науки, взошел яркой звездой, стал профессором столичного вуза. Цыган-математик прекрасно играл на скрипке и собирал в своей квартире на чаепитие «могучую кучку». Его тесноватая квартирка размещалась в одном из небольших жилых домиков, находившихся во дворе института. У Гребенчи проходили настоящие литературно-музыкальные вечера. На пианино играл знаменитый профессор и первый руководитель маркшейдерской специальности седобородый могучий старец Петр Константинович Соболевский, которого я еще застал, учась на первом курсе. Соболевский при мне жил в здании института, на первом этаже, а наше студенческое общежитие размещалось на пятом.

У Гребенчи всегда бывал профессор теоретической механики, доктор технических и педагогических наук Иван Михайлович Воронков, о котором ходили слухи будто он граф и очень религиозный человек. Говорили, что Воронков пожертвовал крупную сумму денег на ремонт церкви, расположенной на Малой Калужской площади, неподалеку от нашего института.

Недавно, летом 1998 года, один доцент МГГУ, бывавший дома у Ивана Михайловича на Якиманке, рассказывал, что профессор собирал старинные иконы, в одной его маленькой комнатке все стены были увешаны ликами святых – настоящий иконостас. В этой комнатке всегда мерцали лампы, здесь профессор в уединении свершал молитвы.

На вечерах у Гребенчи Иван Михайлович читал свои оды и сонеты. Вот было бы интересно отыскать их!

Непременным участником литературно-музыкальных пятниц у Гребенчи был профессор графики (черчения и технического рисования) Фред Генрихович Де Лионде – заядлый охотник, неистощимый рассказчик охотничьих историй. Я уже писал об этом интереснейшем человеке, обрусевшем французе, прекрасном рисовальщике, добрейшем человеке в сборнике «Горняки вспоминают и размышляют» (изд-во МГГУ, 1997, с.91-95).

В собраниях «могучей кучки» участвовал и наш декан, профессор Г.М. Еланчик со своей скрипкой. Получался скрипичный дуэт Гребенча и Еланчик в сопровождении пианино – Соболевский. Но Григорий Маркович, кроме скрипки, как говорили студенты, играл еще и на рояле. Собрания «могучей кучки» продолжались несколько лет. Пожалуй, только война расстроила собрания наших профессоров да эвакуация Горного института в Караганду.

По воспоминаниям выпускника МГИ 1942 года Марка Александровича Бурштейна, когда институт эвакуировали, Григорий Маркович Еланчик никак не хотел уезжать из Москвы без своего рояля.

Со скрипкой было проще – никаких проблем.

Совсем недавно мы «обмывали» наши награды – знаки «Шахтерская слава». В компании были шестеро. Вспоминали наших незабвенных учителей-профессоров. Один из нас – выпускник МГИ, а ныне доцент Университета сказал, будто бы Еланчик, Воронков (в том, что Воронков – граф он ни на йоту не сомневался!) и Всеволод Михайлович Осецкий окончили в Париже Сорбонский университет. При этом он вспомнил одну особенность речи профессора Осецкого: студенты на его лекциях подсчитывали сколько раз он произнесет «тцать» – «так сказать». И мы тоже это хорошо помнили, и сошлись на том, что больше сорока раз «тцать» не произносилось.

Другой компаньон утверждал, что Г.М. Еланчик, кроме Сорбонны, еще блестяще окончил Московскую консерваторию по классу фортепиано. У него была перспектива стать выдающимся пианистом, он бы затмил и Эмиля Гилельса и Святослава Рихтера. Однако предпочел преподавать горную механику.

Я был очень удивлен и спросил недоуменно:

– Если Еланчик окончил Днепропетровский (Екатеринославский) горный, а он его действительно окончил, если он учился в Париже, да еще в Консерватории, когда ж он успел написать свои книги по механике? Он же с 1924 года работал конструктором по подъемным машинам на заводе им. К. Либкнехта, проектировал шахты в институтах «ДОНУГОЛЬ», «ЮГОСТАЛЬ», «ГИПРОШАХТ», занимался наладкой и рационализацией эксплуатации подъемных машин, насосов, вентиляторов и компрессоров на шахтах Донбасса. С 1929 года Еланчик работал в Московской горной академии и в 1933 году утвержден ВАКом в звании профессора горной механики. Так когда ж он в Сорбонне учился? Наш Григорий Маркович – автор замечательных трудов и монографий: «Рудничные турбомашины», «Рудничные подъемные

установки», «Уравновешенные системы рудничного подъема» и, по-моему, ему просто было некогда учиться в Консерватории.

Но вы думаете я переубедил кого-нибудь. Ничуть не бывало! Побасенки студенческой поры впились напрочь в память, ничем их оттуда не выгнать.

Выпускники МГИ единодушно называют Еланчика легендарной личностью. Григорий Маркович принадлежит к плеяде выдающихся ученых-горняков первого поколения МГА-МГИ-МГГУ, «философом от горных наук». Еланчик – профессор-легенда. Рафинированный интеллигент и многолетний любимый декан факультета ГЭМФ.

Студенты МГИ всегда участвовали в Первомайских и ноябрьских демонстрациях. Перед праздником мы тщательно утюжили свои форменные пиджаки и брюки, начищали асидолом до блеска эполеты с крупными вензелями «МГИ» в лавровых венках. Горный институт располагался, по бывшему тогда административному делению Москвы, в Ленинском районе. Институт носил имя И.В. Сталина, поэтому колонна нашего района всегда шла правофланговой, шествуя рядом с Мавзолеем В.И. Ленина. Мы всегда шли в голове колонны нашего района, несли портреты вождей руководителей партии и правительства: И.В. Сталина, В.М. Молотова, К.Е. Ворошилова, Г.М. Маленкова, Л.М. Кагановича, А.И. Микояна, А.А. Андреева, Л.П. Берия и других. Мы кричали во всю мощь наших молодых глоток: «Сталину слава, слава, слава! Ура-а-а!». Вожди приветствовали нас с трибуны Мавзолея. Мы шли очень близко и хорошо было видно как И.В. Сталин махал нам рукой, наклонялся к Молотову и, казалось нам, будто говорил: «Вот идут горняки, студенты-молодцы, слышишь как они радостно приветствуют нас». И Молотов снимал шляпу, улыбался, помахивая ею приветственно.

За пять лет учебы в Горном (1948-1953) я с моими однокурсниками десять раз ходил на

праздничные демонстрации. В 1952 году на ноябрьской демонстрации, когда я был уже студентом-дипломником, мы, кроме портретов членов политбюро и правительства, несли еще один портрет – портрет человека, не имевшего никакого отношения ни к ЦК, ни к Совету Министров. Мы несли портрет нашего декана Еланчика. Кто-то из студентов нарисовал на листе ватмана его портрет, талантливо нарисовал: и пенсне, и галстук-бабочка с золотой заколкой, и прическа «внутренний заём» – зачес пряди с левого виска вверх, вокруг лысой макушки, вниз – к правому виску.

Мы гордо несли щит с изображением Григория Марковича через Красную площадь, несли мимо Мавзолея, мимо вождей, мимо Сталина и кричали от души: «Да здравствует великий Сталин! Да здравствует Московский горный! Да здравствует декан Еланчик!»

По моим тогдашним ощущениям крики наши то ли из озорства, то ли от радости за удачу наглой выходки, которую не заметил партком и не пресек, гремели на площади оглушительнее обычного. Выходка эта сошла нам с рук, а могла бы закончиться и весьма печально. Время было строгое.

Выпускник МГИ, профессор Г.Г. Ломоносов, вспоминая этот случай, предположил: «Теперь я думаю, может, те, кто наблюдал за оформлением, приняли Еланчика за Берия? Такая же лысоватая круглая голова с залызанным проборчиком-прядью, квадратное пенсне без оправы»... Может быть, это было и так, но мы в тот день ликовали и во все горло орал: «Да здравствует декан Еланчик!».

Неужели никто не разглядел и не расслышал?

Григорий Маркович на экзаменах разрешал пользоваться конспектами его лекций и книгой «Рудничные подъемные установки». Слабым студентам он даже раскрывал свою книгу в том месте, где находился ответ на вопрос билета. И спрашивал участливо: «Вы помните? Посмотрите, пожалуйста, этот материал».

В январе 1952 года мы сдавали

экзамен Еланчику. Это происходило в кабинете горной механики имени земляка, кубанского казака станицы Должанской, академика Украинской Академии наук М.М. Федорова – учителя нашего Григория Марковича.

Курс Еланчика был одним из моих любимых предметов, как и теоретическая механика, как теория машин и механизмов и сопромат. Я вытащил билет и обрадовался – до того знакомыми были все три вопроса. Набросал на листе формулы, краткие тезисы ответов и спросил:

– Можно отвечать?

– Пожалуйста, – пригласил профессор.

Я получил отличную оценку. Взял «зачетку» и вышел из кабинета. Но тут произошло неожиданное. Вокруг двери, как обычно, стояли ребята из нашей группы ГЭМС-2-48, а рядом с ними фотокорреспондент журнала «Огонек». Он, оказывается, проконсультировался в ректорате и пришел отснять сюжет о том, как студенты-горняки сдают экзамен. Корреспондент остановил меня у закрытой двери, попросил раскрыть зачетную книжку, выстроил вокруг меня «живо интересующихся» и «переживающих» и сделал несколько снимков.

Так и появился в «Огоньке», на первой странице, фотоснимок с подписью: «Отлично!» – сказал товарищам Евгений Котенко, выйдя с экзамена» («Огонек» №3 от 13 января 1952 года). Фотокор. Е. Умнов в заметке «Студенты сдают экзамены» писал: «В Московском горном институте имени И.В. Сталина число студентов возросло по сравнению с прошлым годом. Экзамены были в полном разгаре. В коридорах стоял приглушенный гул: студенты вполголоса перечитывали свои записи, кто рассказывал о пережитом во время экзамена, кто с нетерпением ждал экзаменующихся друзей».

Из лаборатории, где шел экзамен, вышел студент четвертого курса Евгений Котенко.

– Ну, как?

– «Отлично!» – радостно ответил он.

В этот день никто не получил неудовлетворительной отметки.

На снимке (слева направо) стоят: Анатолий Белевитин, Юрий Келарев, Энгфрид Злобинский, сидит студентка-обогадительница и заглядывает в мою «зачетку» тоже обогадительница (фамилий не помню), я, Анатолий Адашкевич и Алексей Кочетков.

Через некоторое время мне пришли поздравительные письма от мамы, от дядей и тетей, двоюродных братьев и сестер из Ейска и Челябинска, из Ростова-на-Дону и Геленджика. Одним словом, оценка «отлично», полученная у профессора Еланчика, сделала меня «знаменитым» на всю страну.

Однако оказалось, не только на нашу страну. Однажды, когда я спустя два года уже работал в Германской Демократической Республике инженером на урановых рудниках Советско-Германского акционерного общества «Висмут», мне переводчица, милая фроляйн Рената Ваблер, принесла «Огонек» и заявила взволнованно: «Геноссе Евгений, я вас узнала!».

Правда, я тогда уже не был таким по-студенчески худеньким как на снимке в «Огоньке» – мы получали в «Висмуте» продовольственные карточки (вся ГДР жила по карточной системе) по санаторной норме, питались очень хорошо. Германская командировка продолжалась пять лет. Вернувшись в Москву, я осенью пришел в Альма Матер. Заглянул в деканат. У окна за столом сидел наш дорогой Григорий Маркович и что-то быстро писал. Поднял голову, блеснул стеклышками пенсне, окинул меня беглым взглядом, спросил:

☞ Вы хвостист?

☞ Нет...

☞ Вы ☞ отличник?

Тут я не выдержал и рассмеялся:

☞ Ах, Григорий Маркович, Григорий Маркович, не узнали своего бывшего студента!

Мы, разговорившись, вместе посмеялись над настороженным началом нашей встречи. Конечно, перед глазами профессора и до, и после меня прошли сотни студен-

тов: и «хвостистов», и отличников, но меня стареющий наш де-

кан запомнил хорошо, когда я был худушим и в форменном мундире,

а при этой встрече я выглядел таким франтом!

© **Е.А. Котенко**